

Никита Семин
СЫН ПОМЕЩИКА 10

Никита Семин

Сын помещика 10

<https://litres.ru/74181313>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман потихоньку вносит все больше изменений в привычный быт его новой семьи и даже не догадывается, что косвенно затронул интересы и большой политики собственной страны. Но вскоре ему придется узнать об этом...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	40
Глава 4	58
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Никита Семин

Сын помещика 10

Глава 1

28 октября 1859 года

Когда мы с Антоном вернулись в поместье, я испытывал перед ним чувство неловкости. Казалось бы — с чего? Не дал ему увести девушку против ее воли, сделал в каком-то смысле благородное дело и совесть теперь меня точно мучить не будет... Скорее дело было в том, что моя тетя, его мать, да и Владимир Михайлович очень во многом мне помогли, а им тем же в отношении их сына я поступить не смог. И пусть помощь мне никак не ломала планы Зубовых и даже была в чем-то им на руку, но чувства — вещь иррациональная. Поэтому я решил «загладить» эту свою несуществующую вину перед кузеном и лично посмотреть, кого там Еремей уговорил провести ночь с Антоном. Раз отец уверен, что желающие найдутся, то тут я полагаюсь на его мнение. Он крестьян лучше моего знает. Вот и отправился я к старосте, оставив Антона в доме.

— Ты чего, девица, сёдни так раненько прибежала? — удивилась баба Нюра, когда Алена влетела в ее спальню, где

та дремала за вязанием.

— Ой, баба Нюра, щас такое было!.. такое!.. — захлебываясь словами, девушка стала рассказывать, как ее чуть офицер силком с собой не забрал. Под конец своей речи она уже чуть подуспокоилась и гораздо тише закончила: — вот я и не ведаю — правильно поступила или и правда, свой шанс упустила?

Бабка ответила не сразу. Покряхтев, встала да пошла на кухню — чая поставить, да обдумать, что на нее только что шебутная девица вывалила. И лишь спустя четверть часа, когда Алена уже вся извелась от нетерпения, ответила.

— Все ты правильно сделала, девонька, — вздохнула она. — Ежели бы промолчала, то и далее твое слово для этого офицера ничего бы не стоило. Даже если б и повстречала ту самую «судьбу» — никуда бы он тебя не отпустил. Еще и плетью оходить мог.

Алена облегченно выдохнула, но баба Нюра еще не закончила.

— Но вот ежели ты все же хотела бы с ним отправиться, то норов свой показав, могла и условия свои поставить — что согласна ты с этим офицером ехать, коли он тебя по твоему желанию потом отпустит. И свет бы повидала тогда, и к твоим словам бы тот офицер внимательнее прислушивался.

— Так что же... — растерялась девушка, — мне идти к нему и говорить, что я согласная?

— Поздно уже, — отмахнулась бабка. — Хороша ложка

к обеду, а ты свой шанс упустила. Но не горюй, — тут же поспешила она утешить Алену, — из этих мяльщиц-то тебя же никто не гонит? Вот и продолжай там трудиться. Эту тропинку тебе никто не закрывал.

Успокоенная, Алена немножечко грустно вздохнула, что поспешила с отказом — ведь и правда интересно, как оно — на корабле жить, да другие земли посмотреть — и отправилась в мастерскую. Но по пути заметила, как Роман Сергеевич к деревне идет. И тут же ей стало любопытно — чего господин у них забыл-то?

— Роман Сергеевич, — вдруг позвали меня, когда я шел по улице.

— А ты чего не в мастерской? — удивился я, увидев Алену. И тут же нахмурился. — Если будешь отлынивать от учебы, то точно в салон работать не возьму.

— Простите, — потупилась она. — Просто... тут такая оказия вышла...

Девушка мялась, не зная, как продолжить. Еще и край своего сарафана теребит и взгляд отводит, что на нее непохоже.

— Неужто решила согласиться на предложение Антона Владимировича? — сделал я догадку.

— Да... то есть нет... то есть... — она замотала головой и все же выпалила, — а вдруг это моя судьба?! Вдруг я там себе мужа хорошего найду?

— Это после того, как «порченной», как ты выразилась, станешь? — усмехнулся я.

Она отвела взгляд. Сейчас не будущие времена, когда на девственность девушки смотрели не только сквозь пальцы, но даже наоборот — так, словно с ней что-то не в порядке, раз с ней никто не спал. Потому-то и ее довод про проблемы с будущим замужеством был принят Антоном и мной всерьез.

— Просто, Роман Сергеевич, — зашептала она, так как на нас уже коситься стали те немногие крестьяне, что поблизости были, — не хочу я в деревне себе мужа искать. А вы мне запрещаете то в городе делать.

— Ты не путай. Я тебе запрещаю впечатление о моем салоне, как о борделе, создавать. Найдешь себе мужа вне работы? Так я противиться тому не буду. Но если хочешь, я могу сейчас пойти и кузена обрадовать, что ты передумала. Заодно сегодня ночью и докажешь ему всю серьезность своих намерений, — усмехнулся я.

— С-сегодня ночью? — округлились глаза у девушки.

— Да. Антону зазноба на ночь нужна. Вот ты ей и станешь, раз согласна с ним поехать.

Алена с шоком посмотрела на меня. Не ожидала, что все вот так быстро может завертеться. Непривычно было видеть ее такой растерянной. Уж я-то помню, как она сама пыталась меня соблазнить и не боялась последствий. И такое ее преобразование вызывало удивление. Или дело как раз в том, что

тогда она сама управляла ситуацией, а здесь у нее контро-
ля-то и нет?

— С-спасибо, но мне и правда учиться бежать пора, —
по-быстрому скомкала она разговор и действительно чуть ли
не бегом отправилась в мастерскую.

Удивительные создания — девушки. Никогда не знаешь,
чего от них ждать и что у них в голове творится.

Посмотрев ей вслед, я все же дошел до Еремея. Староста
принимал кого-то из крестьян, но тут же выпроводил их вон,
велел зайти позже.

— Проходите, господин, чегось надобно сделать? — спро-
сил он, когда мы расположились на кухне.

Всех своих он выгнал на улицу, чтобы уши не грели.

— Тебе мой отец сказывал, что вдовушка нужна на ночь
— согреть постель моему кузену? — спросил я его в лоб.

— Да, Корней приходил от барина и передал его слова,
— закивал староста. — Вот, думаю, кого отправить. Вдову-
шек-то мало, да и те — уже нашли себе пару. Кто-то и вто-
рой раз венчаться думает, — вздохнул он горестно.

— Разве это плохо? — удивился я его поведению.

— Нет-нет, Роман Сергеевич, к добру то, вот только... —
снова тяжело вздохнул он, — без мужиков лишь страшнень-
кие на лицо остались. И тех — две всего. По иным деревням
если пройтись, то может и найдем кого, а вот прямо сейчас...
— развел он руками. — А ежели кого из иных просить, так
ведь раскол в зарождающуюся семью внесем. Вот и думы ме-

ня тяжкие гложут.

Вот теперь мне все стало ясно. И барину угодить Еремей хочет, и с крестьянами не ссориться. Должность-то у него выборная. Если чего супротив выбравшего его люда сделает, в следующий раз иного старостой поставят.

— Ты мне тех вдовушек покажи, — вздохнул я, — а там и думать будем.

Не зря я сюда пришел. Буду лучше на будущее такие вот моменты понимать. Очень это полезно, когда коллективом руководишь — знать, чем люди «дышат», да какие у них проблемы с твоим распоряжением возникают.

Еремей кликнул своего внука и приказал ему позвать Агафью и Олесю.

— Агафью не надо, — тут же замотал я головой, вспоминая ту самую бабу, которая стала первым «манекеном» у наших массажисток для отработки навыков.

Вот уж кто точно — страшная, как баба Яга. Ее и мужики сторонятся, а подкладывать эту бабу под кузена — точно навеки испортить с ним отношения.

Олеся пришла минут через десять. Худая, вид изможденный, грудь под сарафаном не видно, может и плоская, как доска, а может и есть она, не больше «двоечки». На лицо тоже не красавица, но это больше от тяжелой жизни. Взгляд усталый, под глазами бляшки — не высыпается, выражение лица печально-смирненное. Если ее немного откормить, дать выспаться, да хотя бы чуть-чуть косметики нанести, то впол-

не симпатичная будет. Не красавица, но и не страшилище какое.

— Звали, барин? — тихим голосом спросила она.

Блин, даже неудобно перед этой женщиной. Ее и так жизнь побила, а я еще собираюсь ее в койку Антону отправлять. За меня ответил Еремей, увидев, что я молчу.

— Тебе честь великую оказать хотят — ночь с приезжим офицером провести. Понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — покорно и со смирением кивнула та.

Даже безжизненно как-то. Нет уж, в таком состоянии я ее точно к кузену не отправлю!

— Оставь нас, — сказал я Еремею.

Раз иных женщин нет, а Антон уже предвкушает хорошую ночку, надо исправлять настрой Олеси.

— Присядь и Расскажи о себе, — сказал я женщине, когда Еремей вышел.

Впервые на ее лице проступила новая эмоция. На смену обреченности и усталости вышло удивление.

— Что рассказывать-то, барин?

— А все Расскажи. Откуда ты, детство твое как прошло,

за кем замужем была, чем сейчас живешь. По порядку, мы никуда не спешим.

Пусть не сразу, но постепенно женщина разговорилась. В первые минуты вела себя замкнуто и не понимала, что я от нее хочу, но наводящими вопросами и спокойным тоном я добился того, чтобы она расслабилась и все же поведала о своей жизни.

Сама Олеся была не из Винокурово, а другой нашей деревни. Вышла замуж без любви. Понравилась она нашему кузнецу, но сама за него не хотела — в другого была влюблена. Так тот кузнец пошел к моему отцу насчет свадьбы сговариваться. Кузнец у папы был на хорошем счету, и отказывать в его просьбе он не стал. Вот так женщина получила первый удар от жизни.

В новой деревне ей тоже пришлось не сладко. Кузнец был видным женихом и потому местные девицы начали ее потихоньку травить. То молчаливый бойкот устроят, то по мелкому нагадят — толкнут по дороге от речки, когда она с ведром воды идет, и та вся разольется, то мышь дохлую через забор перекинут. Дошло до того, что начали об Олесе слухи распускать — мол, гулящая она. И парней знакомых подговорили, чтобы те подтвердили такие небылицы. Тут уж кузнец не выдержал, поверил в рассказы и хотел Олесю по деревне голой провести, да плетью за неверность охотить. Повезло женщине, что священник, который тогда до отца Феофана при церкви был, за нее заступился. Потребовал тех,

кто с женщиной постель делил, выйти на всеобщее обозрение да поклясться, что клевету они не наводят. Естественно, что таких не нашлось — перед людьми и богом нагло врать всем в лицо.

Вот только ревность у кузнеца эти сплетницы поселили и тот из ласкового мужа в тирана превратился. К чарке стал прикладываться, да бить по вечерам.

— Я же в итоге грешна, — горько со слезами на глазах говорила Олеся. — Не выдержала однажды, грибы ему приготовила. Да один добавила, который есть нельзя. Понос от него сильный, животом потом всю ночь, а кто и поболее мается. Так он меня тогда побил, что решила — пускай помается животом, можь хоть дурь его вся и выйдет. А он... — тут она и вовсе рыдать стала.

Пришлось подождать, пока успокоится.

— Отец Силантий мне тот грех отпустил, — тихо, почти шепча, продолжила она спустя пять минут. — И десятский наш не стал отписывать, что я специально примучила мужа. Но с той поры за мной слава черной вдовы по деревне ходит. И детишек наших задирают тем.

— Много их у тебя?

— Трое, — прошептала Олеся.

— А родные что? Помогают?

— Старших отец мой забрал, как те подросли. А мужнины родственники от нас отказались. Сейчас меня почти не трогают, но и помощи нет. Сама все хозяйство веду. На от-

шибе живем, где кузня стоит. Новый кузнец себе в стороне избу справил, а нас выгонять не стали. Бают, мол, проклятый наш дом стал.

Да уж, незавидная судьба у нее.

— Сколько твоему младшему?

— Седьмой год разменял.

— А тебе самой?

— Три десятка позади и еще две зимы сверху, — вздохнула она.

А по виду и не скажешь. Лет сорок бы я ей дал. Но сейчас не об этом. Я ведь не просто так от нее историю жизни требовал. Мне надо было понять, чем заинтересовать ее можно, чтобы у нее радостный блеск в глазах появился и сменил ту безнадежную тоску, что сейчас имеется. И она сама с радостью к Антону побежала в койку, еще и прихорашивалась перед этим, а не воспринимала, как очередной удар судьбы.

Самое очевидное, что мне приходит в голову — ей нужно поменять окружение. Жить в месте, где все напоминает о нелюбимом муже, а соседи оказались не самыми лучшими людьми, и общение с ними не задалось — само по себе испытание. Но вот куда ей податься? В другую деревню? Ситуацию это не исправит. Здесь же все деревенские встречаются по праздникам и ее историю знают. Только если ее собственная родня к ней нормально относится, можно в ту деревню ее перевести. Что я и предложил Олесе.

— Да как же, — растерялась она, — у меня здесь дом,

какое-никакое, а хозяйство, а там я что, приживалкой буду? Кому я там нужна-то?

— Твои родственники к тебе нормально относятся? — спросил я в ответ.

— В лицо никто ничего худого не говорил, но и к себе не звали, — вздохнула она.

Тогда этот вариант отметаем. Возни много, а результат не гарантирован. Что еще остается? Устроить судьбу ее сына? Тот который младший. Но куда его? В дворовые взять — так мал еще. Учиться ремеслу отправить? Тоже без понятия, где его взять могут. Те же мастера чужаков в ученики неохотно берут, только если при заводе каком школа есть. Да и разлучать сына с матерью... не знаю, будет ли Олеся этому рада. Видно же, что только ради ребенка живет.

В итоге решил не ломать сам голову, а напрямую женщину спросить — что ей нужно в оплату за ночь с дворянином, чтобы она это время за каторгу не считала. Чем изрядно я Олесю озадачил.

— Я же не продажная, — побледнела она, — а вы мне такое предлагаете...

— Ты не правильно меня поняла, — вздохнул я. — Я тебя под мужиков, и даже дворян, подкладывать не собираюсь. Лишь прошу, чтобы ты ночь с моим кузеном провела. Он моряк, давно ложе с женщиной не делил. Мой отец приказал Еремею найти вдову Антону. И будь уверена, если бы я не вмешался, то тебя все равно староста мог к нам отправить,

но уже не спрашивая — хочешь ты или нет. И не предлагая за то ничего взамен. Чувствуешь разницу?

Олеся понуро кивнула.

— Мне не нравится твой настрой, — нахмурился я. — Если откажешься — то можешь прямо сейчас идти домой. Ни я, ни отец мой тебе ничего худого не сделаем. Другую вдову найдем. Вот только староста может и не удержать свой язык за зубами и рассказать всей деревне, что ты отказалась и та, которую к моему кузену отправят, могла и не очутиться в постели барина против воли. А даже если и промолчит он, то все равно слухи пойдут. Многие видели, как ты сюда заходила и что мы долго говорили. Ты сама сказала — к тебе отношение в деревне плохое. А после такого как считаешь — оно станет лучше?

Вот это проняло Олесю гораздо сильнее. Она тут же вскочила и бухнулась на колени.

— Не губите, барин! Все сделаю! Только не надо никого иного к вам в дом отправлять!

Из крайности в крайность. Эх, и зачем я вообще ввязался во все это? Но раз начал, надо дело до конца доводить. И я все же смог донести до вдовы мысль, что она не должна вести себя, как безропотная рабыня, да еще квелая и бледная. Нет, мне ее радость нужна и желание показать себя.

— Вспомни, что ты женщина! — вспыхнул я. — Сама говорила — за тобой твой муж увивался! К барину не испугался сходить, чтобы тебя пополучить! Так и нечего вести себя,

как поганка бледная!

Мой окрик подействовал сильнее, чем спокойный тон до этого и увещевания. Олеся встала и утерла слезы. Даже спину распрямила, хоть и было ей непривычно это — много лет уже ходила глядя в пол.

— Вот так лучше, — одобрительно кивнул я.

Потом подумал, и решил, что ей нужна правильная «обертка».

— Зови Еремея, а сама иди домой и приведи себя в порядок — помойся полностью, чтобы не пахло от тебя. А лучше — до поместья иди и к Евдокие обратись. Но чтобы тебя офицер там не видел пока что. Скажешь ей, что я велел тебе мыла выдать. Волосы тоже тщательно помой и причешись. Позже тебе еще и платье принесут.

Олеся ушла, а сразу за ней в дом заскочил и староста. Никак под дверью стоял, ждал.

— Вот что, — начал я объяснять старосте, что ему делать. — Олесю сейчас приводить в порядок будут. Негоже ее в таком виде к дворянину в постель класть, — мужик понятно покивал. — Мне нужно чтобы какая портниха, которая шить быстро умеет, ко мне подошла. Я ей объясню, что делать надо. И к вечеру она справить платье для Олеси должна успеть. Там несложно. А ты позаботься, чтобы слухи дурные про Олесю по деревне не гуляли. А лучше — сам запусти нужные. Тебе даже врать не надо, просто подать все в правильном свете. Мол, барин приказал вдовушку своему пле-

мяннику привести, ты сразу на Олесю подумал. А тут я — не хотел ее брать, потому что покраще девицы имеются. Но она меня уговорила не трогать их, сказала, что сама справится, лишь бы их семьи нарождающиеся не рушить. Понял?

— Как есть, Роман Сергеевич, — закивал Еремей.

— А мужики, которые на тех вдовах жениться хотят, пускай Олесе по хозяйству помогут. Раз она одна, то наверняка у нее и забор мог покоситься, или в доме надо что сделать не по женскому плечу. Так?

— Венец у дома сгнил, обновить надобно, — покивал Еремей.

— Вот и наостри их — что это их долг, помочь Олесе, благодаря которой их зазнабам не пришлось ноги раздвигать перед барином. Понял?

Тот снова закивал. Так-то лучше. Уходил я с чувством выполненного долга. Ведь и правда — с чего мне так радикально в судьбу женщины вмешиваться? Никто не поймет, и она в первую очередь противиться стала. Но вот по мелочи помочь — для меня по мелочи — это иное дело. Тут и с завистью на нее смотреть не будут, а если все получится, то глядишь, даже отношения у нее с соседями наладятся. Любят у нас жертв, которых жалеть надо.

Когда я вернулся в поместье, то тут же Евдокию позвал. Подтвердил ей, что надо мыло для Олеси выдать и добавил:

— Платье, что я для Пелагеи когда-то сшить приказал, у тебя?

— С чего бы, сударь? — удивилась женщина. — Она его с собой забрала.

— Но как оно выглядело, ты помнишь?

Служанка молча кивнула.

— Вот. Надо такое же для Олеси сшить. Придет портниха — ей все в точности опишешь. В этом платье Олеся сегодня к Антону Владимировичу ночью пойдет.

Мысль у меня была проста — раз уж внешним видом Олеся сейчас вряд ли кого-то сильно привлечет, то красивое белье, да еще такое откровенно-сексуальное сгладит этот эффект.

С чувством выполненного долга я вернулся в свою комнату. Которую уже «оккупировал» кузен. Тут-то и оказалось, что спать мне предстоит этой ночью в зале. А еще одной новостью был приезд Леонида Валерьевича, пока я в деревне вопрос с вдовой решал.

— Извини, что из-за меня ты комнаты лишился, — чуть виновато сказал Антон.

— Ничего страшного, — махнул я рукой. — Видел сруб? Скоро у нас гостевой дом появится, тогда таких неловкостей не будет.

— Смотрю, ты художником заделался? — решил перевести тему кузен. — Покажешь свои картины?

Я этому был лишь рад. Все лучше, чем думать о том, что на короткое время примерил на себя роль «сутенера». Паршивая роль, если честно.

— Что-то случилось? — спросил Сергей Александрович соседа, когда «обязательная» светская часть приветствия на пять минут была завершена.

— Знаешь, я не оставил мечты породниться нашим родам, — улыбнулся Леонид Валерьевич. — Через Кристину не получилось, но благо, у нас есть и другие дети.

Винокуров не удержался от улыбки при этих словах.

— Я разве сказал что-то смешное? — удивился Леонид Валерьевич.

— Нет-нет, прошу прощения, — замотал головой помещик, — просто буквально на днях я уже получал подобное предложение, переданное через Софью. То я никак своих детей пристроить не могу, а тут прямо нарасхват.

— Такое бывает, — с улыбкой кивнул Уваров. — Так что скажешь? Или ты уже дал согласие на брак своих близнецов?

— Еще нет, — успокоил соседа Винокуров. — Вот только...

— Есть какие-то проблемы? — нахмурился Леонид Валерьевич.

— Не то чтобы... просто я считаю, что мальчики должны сами выбирать себе невест. Как ты помнишь, я и Романа ни с кем не сватал по той же причине. Ждал, когда он подрастет, чтобы потом уже смог осознанно делать выбор. Как я сам когда-то выбрал свою Ольгу.

— И в итоге он отказался от Кристины, — вздохнул мрач-

но Уваров.

— Мы оба помним, по какой причине, — заметил Винокуров. — И скажи — разве ты был бы рад, если бы мы настояли на их браке, а потом у них разлад пошел? Мы оба любим своих детей, а если у них конфликты начнутся? Это ведь и меж нами раздор внесет.

— Ты прав, — был вынужден признать Леонид Валерьевич. — Значит, отказываешься?

— Давай вернемся к этому вопросу, когда им будет хотя бы лет по десять-двенадцать. Я их в следующем году собираюсь в кадеты отдать. Вот отучатся, девушками к тому времени сами заинтересуются, и можно будет подать твоих племянниц им в выгодном свете. А сейчас у них лишь игры на уме.

— Хорошо, — неохотно согласился с доводами соседа Уваров. — Кстати, пользуясь случаем, хочу пригласить вас на будущую помолвку Кристины с Василием Большедубовым.

— С радостью придем.

Глава 2

28 — 29 октября 1859 года

Показ Антону моих картин надолго не затянулся. Их и было-то в комнате не так, чтобы много. Потом я перешел к «практическому» показу. Взял тетрадь и стал прямо на его глазах рисовать людей. Использовал метод скетчей, как самый простой.

— И вот так — с помощью простых геометрических фигур можно кого угодно нарисовать? — изумлялся кузен.

— Ты же сам видишь, — усмехался я в ответ. — А вот смотри, что еще покажу.

И я сделал картину-метаморфозу. Вначале сделал набросок, который будоражил воображение — словно я голую девицу хочу изобразить. А затем у меня домовенок вышел, сидящий на куче подарков.

— Забавно, — рассмеявшись, протянул Антон. — И где ты такому обучился?

— Да как-то оно само пришло, — пожал я плечами. — Тут же все просто. Смотри...

И я стал рисовать простые линии. Минута... другая... и вот уже на листке получилась картинка-иллюзия.

— Да этот узор движется! — воскликнул кузен.

— Это игра твоего воображения, — пояснил я. — Рисунок статичен, но в нашей голове все эти линии преломляют-

ся, и получается движение.

Так мы и развлекались. Я делал наброски разных стилей изображений из будущего, а Антон почти не закрывал рот от удивления. Под конец я нарисовал портрет и самого кузена карандашом и торжественно вручил ему в подарок.

Когда мы вышли в зал, чтобы проветриться и попить чаю, из кабинета отца вышел Леонид Валерьевич.

— Буду рад вас всех видеть, — говорил Уваров, словно продолжая разговор, но при этом посматривая на меня. — О дате сообщим позднее.

— Всенепременно будем! — заверил его папа, после чего проводил до дверей.

Когда сосед ушел, я не смог сдержать любопытства и спросил — куда он нас зовет.

— Леонид Валерьевич нашел партию для Кристины, — степенно сказал отец. — И пригласил нас на помолвку.

— Оу... здорово, — покивал я.

И я правда был рад новости. Мало того что Кристина наконец-то отстанет от меня и перестанет козни строить, так еще и это приглашение означает, что мы до сих пор остаемся для Уваровых друзьями. Это радует. Папа вернулся в свой кабинет, а мы с Антоном пошли в столовую. Скоро ужин и хотелось уже подкрепиться. И интересно, чем нас наши кухарки порадуют?

Деревня Винокурово

Олеся шла от поместья барина к себе домой — готовить-ся. Мыло ей служанка дала, и теперь предстояло с его помощью всю грязь с себя оттереть, да самое чистое белье, что имеется, надеть. На душе у женщины было тяжело.

— Олеська! — вдруг раздался ненавистный для нее голос. — А чего это ты с барином в доме Еремея Трофимовича заседа-ла? Никак важной себя почувствовала? Жаловалась по-ди, на судьбу свою тяжкую?

Олеся уже по наитию уставилась в землю, чтобы побыст-рее пройти мимо. По ее опыту — это самое действенное средство, чтобы больших проблем себе не обрести. Но ба-ба, ее окликнувшая, не унималась. Когда-то она была одной из тех девиц, которая за мужем Олеси увивалась, а затем и устроила травлю женщины. И пусть у нее самой плохо жизнь сложилась — тоже вдовой в итоге осталась, но чувствовала та себя выше Олеси.

— Ты чего молчишь-то? Нос задираешь? Возомнила о се-бе наверное много, раз с барином лично говорила?!

Чем бы это закончилось, Олеся не знала, но тут вмешался их староста, который неподалеку оказался.

— Марьянка, а ну цыц! — крикнул на всю улицу Еремей. — Олеся ради вас старается, а ты ее паскудишь? Не позволю! Господь — он все видит! В аду гореть будешь за язык свой поганный!

— А я чего сказала-то? — испуганно отозвалась Марьяна, не привыкшая, что за Олесю может кто-то заступиться. —

Еремей Трофимыч, ты чего меня адом пугаешь? Чего такого Олеська сделала, что я перед ней стелиться должна?! — перешла та в атаку.

Еремей подошел к сварливой бабе и уже гораздо тише стал ей объяснять. Но все равно Олесья ушла еще не так далеко, чтобы не слышать его ответ:

— Барин приказал вдовушку к его племяннику привести на ночь. Догадываешься, для чего? — Марьяна озадаченно покивала. — Вот Роман Сергеевич и пришел — посмотреть, кого я предложу для его двоюродного брата. И как Олесю увидел, тут же стал требовать иных показать. Я уж ему и об-сказывал, что у вас женихи есть, и мужики те не обрадуются такому произволу, а он — ни в какую! Не хочу, грит, чтобы мой брат на меня обиделся, коли ему не понравится Олеська. Вот тогда она к нему в ноги и бухнулась и пообещала, что все сделает, чтобы гость барина доволен был. И все для вас, кикимор, старается! А вы на нее хулу наводите, языками своими погаными все посильнее ужалить пытаетесь, словно бес в вас вселился!

— Да что ты такое говоришь-то, Еремей Трофимыч! — замахала руками Марьяна.

Тут староста прищурился и эдак вкрадчиво спросил:

— Али ты недовольна, что тебя к барину в койку не отправили? Хочется попробовать — каково это с господином, а? Мне так твоему Ивану и сказать, да?

— Нет! — аж взвизгнула баба. — Не губи, Еремей Тро-

фимыч! Черт меня попутал! Не буду я больше Олеську задирать, вот те крест!

— И другим бабам языкастым о том же обскажи, — строго повелел староста Марьяне.

Что еще он ей добавил, Олеся уже не слышала. И сильно потом всю дорогу удивлялась, как Еремей ее разговор с господином для других подал. Не так все было, уж она-то знает, но не заверять же всех, что староста врет? Для нее же старается. Хороший он мужик! Если бы не жена его, Дунька, та еще сплетница и любительница всем косточки перемыть, то и раньше бы он за Олесю вступился. Были попытки, она знала о том. Уже в более приподнятом настроении Олеся быстрее зашагала домой. Теперь она не просто должна ноги перед барином раздвинуть, а действительно постараться, чтобы тот доволен остался. Иначе ведь и правда — разгневается и другую вдовушку позовет. Тогда жизнь Олеси вовсе в ад на земле превратиться может.

В баню, когда она протопилась, сходил не один Антон. Помыться были не прочь и остальные члены семьи. Парню, как гостю, лишь предоставили почетное право сходить в баню сразу после главы семьи. И пока он мылся, я пошел смотреть, как Олеся подготовилась к ночи. Женщину завели в комнату для слуг, и там я придиричиво осматривал ее со всех сторон. Чистая, в новом наряде, она словно помолодела лет на пять. Ей бы еще «боевую раскраску» нанести и точно никто кре-

стьянкой не назовет. Не зря в нее кузнец влюбился. Только сейчас понял, что если бы не тяжелая жизнь, то вполне симпатичная и даже красивая женщина передо мной бы стояла. Вот только косметики у нас нет. Но дать пару советов Олеся, как можно компенсировать свой внешний вид иным умением, я собирался.

— Когда в спальню пойдешь, не будь «бревном». Вообще постарайся взять инициативу в свои руки, — наставлял я ее. — Антону понравилось, как ему спину мяти. Так ты предложи ему, что ты всем телом его «мять будешь».

— Это как, барин? — удивилась Олеся.

— А вот так. Попроси его раздеться и на живот лечь. Сама тоже с себя все скинь, и нежными растираниями нанеси ему на спину масло, которое тебе Евдокия даст. А дальше ложись на него сверху и елозь — телом по телу. Только уж старайся так, словно любимого мужчину ублажаешь. Это чувствуется. Тогда все у тебя получится. Ну а дальше уж сами разберетесь.

Вообще я нервничал. И сама ситуация для меня неловкая — подкладывать под кого-то женщину, которая интимом не занимается на профессиональной, так сказать, основе, и переживал я, что Антон может и вовсе Олесю сразу выгнать, если та ему внешне не понравится. Но отступить было поздно.

Еще меня радовало, что на дворе уже сумерки сгустились, а в полутьме внешний вид человека меняется. Многое наше

воображение в собеседнике само дорисовывает.

Но вскоре мне стало не до переживаний. Антон помылся и ушел в мою комнату, и я дал отмашку Олеся, а сам тоже направился в баню.

Уж не знаю, как у них первые минуты сложились, но когда я вернулся в зал, то из моей комнаты уже раздавались стоны женщины. Только в этот момент я вспомнил, что за стенкой близнецы так-то живут и все слышат. А с другой стороны — «постельная» сторона вопроса для детей в этом времени не является чем-то удивительным. Особенно у тех же крестьян — места в избах мало, все на виду. Но Иван с Игорем не крестьянские дети, потому у них как раз и могут завтра возникнуть вопросы ко мне. В моей же комнате все происходит. Ну ничего, перенаправляю их к отцу с мамой, это их обязанность — детей просвещать на разные темы.

Утром я проснулся от тихих шагов по полу. Открыв глаза, я увидел Олесю, осторожно крадущуюся, чтобы никого не разбудить, из моей комнаты в сторону коридора, где слуги живут.

— Ой, простите, что разбудила, — прошептала женщина, заметив мой взгляд.

В новом наряде, который больше походил на ночнушку, оголяя ее ноги и подчеркивая отсутствие нижнего белья, да еще в предутренних сумерках она выглядела соблазнительно. Да еще и на лице смущенная улыбка играет и удовлетво-

рение, полное отличие от того взгляда, что я вчера видел, когда только встретил Олесю. То ли мои собственные гормоны расшалились — давно уже у меня самого близости не было — то ли и правда внутреннее состояние человека его преобразует настолько, что совсем иными глазами на него смотришь.

Я махнул рукой Олесе идти дальше, а сам попробовал снова заснуть. Не получилось. Уж очень будоражащий воображение вид у женщины был. Пришлось вставать да идти обливаться. И для закаливания, и чтобы снять утреннее возбуждение.

Двор оказался укрыт белым снегом, выпавшим ночью. Да и вообще уже начинало ощущаться дыхание зимы. После обливаний я тут же перешел к тренировке, чтобы согреться. А через десять минут на улицу вышел заспанный Антон, ежась от холода.

— Доброе утро, кузен, — зевнув, поприветствовал он меня. — И как ты можешь в одном исподнем на таком холоде заниматься? Не боишься простудиться?

— Вот чтобы снизить такую вероятность, я и закаливаюсь, — пыхтя, ответил я ему, попутно отжимаясь на брусьях. — Не хочешь присоединиться?

— Нет уж, — со смешком отказался Антон. — Мне гимнастики и в училище хватило. А где Олеся?

— Домой ушла.

— Жаль, — искренне вздохнул он. — Ладная баба. Я ду-

мал при свете ее получше рассмотреть, да может и повторить... — мечтательно причмокнул он губами.

— Ее сын ждет, кормить его надо, — охладил я пыл этого Ромео.

— Вот как? — неприятно удивился моим словам Антон.

— А ты как хотел, это же не девица нецелованная, — рассмеялся я. — Сразу тебе говорили — вдову найдем, а не кого-то еще.

— Ну и ладно, — махнул он рукой, снова поежился и вернулся в дом, выкинув женщину из головы.

Обратно в Дубовку Антон собирался ехать сразу после завтрака. И я его удивил тем, что отправлюсь вместе с ним.

— Надоело в деревне сидеть? — рассмеялся он.

— Лучше бы я дома сидел, — вздохнул я в ответ. — Но нет, дел полно.

Моя реакция его удивила. И он тут же стал меня расспрашивать — что за дела такие у меня имеются. И по мере перечисления, его лицо все сильнее и сильнее вытягивалось от изумления.

— Ну ты, братец, и наворотил, — протянул он восхищенно. — Я-то думал, что здесь у вас скукота смертная, а на море — вот где жизнь! Но по сравнению с тобой, мои будни серыми и невзрачными кажутся.

В Дубовку мы поехали на тарантасе. Причин было две — мне нужен был Митрофан, чтобы выбрать вторую лошадь в пару к Пятнышку. Времени у Михайло прилично было, и я

надеялся, что моя карета уже готова. К тому же Тихона я тоже брал с собой. Привык я, что рядом слуга есть, который и за бытом проследит, и по делам его отправить можно. В последние мои отъезды его отсутствие особенно остро ощущалось. В бричку же мы бы все не поместились.

В пути пришлось еще и на гитаре для кузена сыграть. Во время своего рассказа я упомянул о написанной «мною» песне и тот очень настойчиво просил ее исполнить. Вот чтобы не терять на это время, мы и взяли с собой мою гитару, да прямо в тарантасе я и спел «Петропавловск». Тряска этому конечно мешала, но не сильно. Сегодня морозец дорогу прихватил, тарантас бодро наматывал километры на колеса, а Митрофан — кучер опытный, выбирал дорогу с умом, чтобы поменьше ухабов «собрать». Больше у меня пальцы замерзли, все же в тарантасе бока «открытые».

— В Царицын с тобой съездим, — заявил мне Антон, когда песня была спета, остальные темы обсудили, а я упомянул, что у меня там невеста живет. — Хочу посмотреть на твою Анастасию. И ты сказал — у нее сестра есть? — подвернул он ус и с прищуром посмотрел на меня.

— Есть. Неужто хочешь посвататься?

— Зачем сразу свататься? — удивился кузен. — Для начала можно и просто погулять под луной, да почитать стихи...

Понятно. Антон решил ограничиться флиртом, да при возможности затащить Анну в койку. Не буду его заранее разочаровывать. Я конечно слышал, что есть девицы, не хра-

нящие свою девичью честь, но это точно не про Скородубову. Настя вот тоже свою честь берегла и отдала ее лишь когда наша помолвка состоялась.

Желание Антона увидеть мою невесту сбылось гораздо раньше, чем мы думали. Оказалось, что Настя приехала вместе с Маргаритой в Дубовку вчера и если бы не тетя, то тут же помчалась бы ко мне в поместье. Но Софья Александровна ее придержала до возвращения своего сына словами: *мало ли куда Роман мог снова податься, а вдруг он решит сам к нам вместе с Антоном приехать? И чего тебе туда-сюда кататься?*

Тетя как в воду глядела.

— Роман! — кинулась ко мне Настя, когда я поздоровался с тетей. — Я соскучилась, — добавила она уже тише, смутившись от пристального взгляда Антона.

— Я тоже, — улыбнулся я в ответ.

Хотелось ее обнять и прижать к себе, но этикет-с, будь он не ладен. Нельзя так делать на людях, пусть даже при родственниках. Даже когда она станет моей женой нельзя. Не поймут. Наедине — сколько угодно, а под чужими взглядами — лишь вежливо улыбаться, да можно воздух над ручкой поцеловать. Чем и воспользовался Антон, тут же начав свой «натиск» в сторону Анастасии. Надавал ей кучу комплиментов, и как бы мимоходом поинтересовался про ее сестру.

— Да, мы с Анной на одно лицо, — мило смущаясь, отвечала Настя. — Она дома осталась.

— Не хочу показаться навязчивым, но я человек прямой, военный, потому спрошу прямо — ваша сестра свободна? — не отступал Антон.

— Она... общается с молодым человеком, — растерялась Настя. — Не знаю, насколько у них все серьезно будет... мы Ивана лишь раз видели, а сейчас он и вовсе в столицу уехал. Письма Анне пишет. Вот одно недавно прислал.

Кузена упоминание о некоем молодом человеке совсем не смутило. Как я понял, для него главное — что Анна не помолвлена, да и сам молодой человек где-то далеко находится.

— Анастасия, вы обязаны меня познакомить со своей сестрой! — заявил он безапелляционно. — Я сражен вашей красотой и если бы не кузен, то обязательно приударил за вами, — Настя смущенно покраснела. — Но удача на моей стороне, раз у вас есть сестра-близнец. Когда вы возвращаетесь?

— Я-я... — растерялась совсем Настя.

Пора ее спасти.

— Антон, не дави на мою невесту, — урезонил я парня. — Мы только приехали, а ты уже собираешься сорваться в путь. Посмотри на свою маму, как она неодобрительно смотрит. Ты же ее давно не видел, неужели не соскучился?

Этот ход оказался верным. И тетя на меня благодарно посмотрела, и сам Антон немного смутился, и Настя облегченно выдохнула.

Время было уже обеденное, поэтому вскоре нас позвали

за стол. Там и продолжилось общение, а я узнал, зачем Настя сорвалась из дома. Кто бы сомневался, что дело было не столько в ее желании поскорее меня увидеть, сколько в усилиях Маргариты Игоревны. Настя может из дома поехать ко мне, но для этого ей надо несколько дней, а лучше — недель копить мужество. Тут же Угорская не вытерпела, так ее впечатлил выход мамы в свет в новом платье, что захотелось Маргарите тоже блеснуть. Но уже в другом, которое для более молодой девушки придумано. И помня нашу договоренность, она и помчалась за Настей.

— Завтра будет постановка, — с намеком напомнила мне тетя, когда Настя поделилась своей историей.

— Да, мы обязательно на нее сходим. Может, хоть теперь увижу спектакль полностью, — рассмеялся я.

И тут же пожалел о сказанных словах. Ведь Насте стало интересно, что мне помешало раньше. Не рассказывать же ей о Дарье? Выручила меня тетя:

— Роман стал центром внимания на премьере, как и Ольга. Не привык он к такому, и когда все повторилось во время антракта, решил не дожидаться окончания спектакля, когда его снова атакуют и прохода не дадут.

— Кто атакует? — тут же встрепенулась Настя.

— Те, кто увидел в Винокуровых новую силу, — спокойно ответила ей тетя. — Завести полезное знакомство — это правильно, но некоторые в сем действии не знали меры.

Пусть тетя не сказала про напор девушек, но Настя и сама

все поняла. Ведь раз с ней мне ничего подобного не грозит, то какая иная причина могла меня раньше побудить покинуть театр? И в целом она права, а про чрезмерную настойчивость конкретно одной девицы мы промолчим.

Но до спектакля еще полно времени, и свои первоначальные планы я менять не собирался. Только теперь состав нашей группы увеличился. До того лишь Антон хотел посмотреть, что мне за карету делают, а тут еще и Настя присоединилась. Тихона я оставил в усадьбе, пока его услуги мне были не нужны. И уже в обновленном составе мы выдвинулись к мастеру Фролу.

Уже въезжая на подворье его мастерской, я заметил свой транспорт. Карета стояла в условном «гараже» и с ней возился Михайло и помощник Фрола, Алексей. Сам мастер сидел рядом, но не снаружи, как раньше, а уже внутри — все же ветер был уже холодный и простудиться, сидя на улице, было делом несложным. Даже удивительно, что ворота в «гараж» были распахнуты. Но когда мы подошли, я понял, что дело в экономии — внутри никакого света, кроме падающего из открытых ворот, не было.

— Роман Сергеевич, — заметил меня Фрол, — а мы уже заканчиваем с вашей каретой. Вот, полюбуйтесь, что у нас получилось!

Мужики в этот момент ставили колеса, но прекратили свое занятие и отошли в сторону, чтобы мы могли все осмотреть.

— Много вам осталось? — спросил я Михайло, пока Антон заглянул внутрь, а Настя с интересом подошла к месту

возницы.

— Колеса поставить, господин, да проверить — ничего ли не забыли, — пожал он плечами. — Два уже на задах мы воткнули, теперь с передком возимся.

Это я и сам видел. Кивнув мужику, что услышал его слова, я для начала обошел карету по кругу. Что сказать? Покрыли ее хорошо. В черный цвет, на дверцах позолоченной краской была изображена виноградная лоза. Собственного герба у нашего рода не было. Его вообще не имела подавляющая часть дворянства, но видимо мастер Фрол решил, что хоть как-то выделить мой транспорт нарисованным отличительным знаком нужно. Выбор лишь слегка странен — мы не Виноградовы, а Винокуровы. Я бы понял, если он еще дымок добавил над лозой, но что уж теперь.

В передней части у кучера появился собственный откидной верх, как у бричек, а по бокам у него висели фонари. Уже отреставрированные — с замененными стеклами и свежоокрашенные. Под сидением возницы стояла печь — металлический короб с маленькой дверцей, даже скорее оконцем, и раструбом, куда надо заливать керосин. Сбоку к печи были приварены две трубки — одна для подачи воздуха, а другая в качестве дымохода. У обеих трубок были заслонки, с помощью которых можно было в любой момент погасить печку.

Затем я тоже полез внутрь. Но перед тем обратил внимание на дверцы — стекла в них тоже поменяли. Все, как я и

описывал Фролу. Уж не знаю, к кому он обращался, но стекла получились «двойными», запаянными смолой по торцу. Буду надеяться, что и воздух из пространства меж ними откачали.

Обивку внутри тоже всю сменили, и судя по мягкости дивана и его упругости — вставили пружины. Под диваном расположили вторую печь, а трубки к ней вывели наружу да так хитро, что со стороны не сразу и заметишь — колесо загораживает. Главное теперь, чтобы в них ничего не попало с того колеса. От кареты пахло краской и неповторимым специфическим запахом новой ткани. Конфетка у мастера Фрола получилась, а не карета!

Я вылез и осмотрел колеса. Они тоже выглядели необычно, по сравнению с другими — были чуть шире стандартных, и словно «обуты» в чехлы. Тут уже кожу использовали, чтобы при езде эта обертка меньше истиралась.

— Ну как вам, господин? — спросил Фрол, когда я закончил осмотр.

— Внешне — все отлично, а как оно в деле себя покажет, увижу уже позже, — пожал я плечами.

— Тогда можно и окончательный расчет получить? — тут же обрадовался мастер.

— Пускай колеса поставят, да я коня нового найду, чтобы на ней уже выехать с твоего подворья можно было, — сказал я мастеру. Не говорить же, что денег сейчас с собой не взял. — Думаю, к вечеру и заберу ее у тебя.

На этом я с Фролом и попрощался пока что. Теперь можно и в усадьбу вернуться, после чего дать задание Митрофану по его «профилю». А в театр отправлюсь уже на собственном транспорте. И до того могу отдыхать.

Вот только меня не покидало ощущение, что я что-то все же забыл.

Глава 3

29 октября 1859 года

Что именно забыл, я пока так и не вспомнил. В итоге плюнул и мысленно махнул рукой. Было бы что-то очень серьезное, то записал бы куда-нибудь или все равно всплывет со временем. Сейчас же меня иное беспокоило — деньги. Они подходили к концу. Надо было думать, где снова взять крупную сумму. Привык я всегда иметь не меньше ста рублей на кармане. А тут у меня лишь те рубли остались, что я планирую в строительство салона вложить. Ну, кроме специально отложенных для оплаты Фролу. И моя «безденежность» давила на сознание, как гранитная плита, вселяя дополнительно неуверенность в завтрашнем дне. Надо было что-то придумать.

Увы, пока ничего в голову не приходило. Новые портреты никому в Дубовке не нужны, уж тетя бы мне об этом сказала. В городе все знают, что меня через нее найти проще простого. Есть небольшая надежда, что в Царицыне появились новые клиенты, но туда еще доехать надо, да с Марией Парфеновной поговорить. И вариант это зыбкий. С продажи игрушек ручеек пока совсем маленький идет, и все деньги у отца сейчас оседают. Я могу к нему обратиться, чтобы выделил мне сколько-то средств, но сделаю это лишь в крайнем случае. Уже успел создать у него себе репутацию самостоя-

тельного человека и рушить ее не желаю.

«На чем же заработать? Так, чтобы и быстро, и с большой выгодой» — задумался я.

Картины отпадают. Песни тоже. Не буду же я, как скомо-рох, на рынок идти и петь? Удар по моей репутации будет как бы не сильнее, чем если бы я голым по улице прошелся. Невместно это дворянину.

«Придумать и продать бизнес-проект?» — вдруг пришло мне в голову.

Я ведь собирался в следующем году, по итогам собственной деятельности сходить с отцом на дворянское собрание и там представить как раз иной вектор развития для помещиков, помимо дохода с крепостных. И до сих пор хочу это сделать — и авторитет себе заработать, показав, как выйти из ситуации, не идя на конфронтацию с императором, и поспособствовать в какой-то степени промышленному развитию страны. Звучит амбициозно, но все начинается с малого. Если же я прямо сейчас сумею придумать новую бизнес-модель, уговорю ее купить какого-нибудь помещика для внедрения у себя, а потом она «выстрелит», то это будет дополнительным кирпичиком в фундамент моей репутации. И плюсом — деньги прямо сейчас.

— Вот только что придумать и кого уговаривать? — хмыкнул я себе под нос невесело.

Создание мебельной мастерской для бедных слоев населения я уже застолбил за собственным родом. Ставить мель-

ницы... тут и без меня догадаются, ничего инновационного в том нет. И в любом бизнесе есть некий «порог входа» — тот самый стартовый капитал, который не каждому по силам, даже если мозги работают в правильном направлении, без денег в самом начале многого не достигнешь.

Тут я вспомнил, что хотел найти в городе типографию — для создания собственной настольной игры. Мысли тут же свернули в новую сторону. Поделки из бумаги — это первое, о чем я подумал. Затем отбросил мысль, так как бумага нынче дорогая. Но тут же ей на смену пришла иная — коробки из картона! Сейчас никто их повсеместно не использует — я вот не видел. Лишь однажды заметил, что картон в принципе существует — в тетиной шляпе он был для придания формы. Осталось узнать, насколько он распространен и какой на него ценник.

— А ведь есть еще более востребованная тара, — осенило меня — ячейки для яиц!

Такого сейчас точно не существует. И когда их изобретут — большой вопрос. На рынке вон яйца кладут просто в деревянные ящики, перекладывая их соломой. И то служанки придирчиво рассматривают каждое яйцо — не побилось ли. И какой урон это несет тем же крестьянам и, как следствие, помещикам? А ячейка из картона служит долго и перевозить в ней такой хрупкий товар очень удобно.

— Надо бы еще и патент на эту тару оформить, — пробормотал я.

Но прямо сейчас — это вполне себе рабочая бизнес-идея. И даже если картон сейчас довольно дорог, и тара из него получится высокой в цене, убедить в выгодности ее приобретения вполне можно. Она же не одноразовая будет.

В моем понимании, картон должны закупать или книжные магазины, или те же портные — для создания шляп, как у тети. Вот уж кто точно знает и стоимость этого материала, и как его достать. Но кому предложить бизнес-идею?

В сомнениях я отправился к единственному знакомому мне человеку «со связями». Да, все к той же незабвенной Софье Александровне.

Тетя пользовалась моментом, пока ее сын снова куда-нибудь в более интересное место не сбежал, и «пытала» его. Нашел ли он себе партию, думает ли в этом направлении, и каждый раз, когда Антон старался перевести тему, она с мягкой улыбкой кивала, делала вид, что согласна поговорить об ином, но вскоре неизменно возвращалась к матримониальным планам. Я все это успел расслышать, пока стоял за спиной кузена в гостевом зале и старался понять — стоит ли их прерывать, или мне лучше уйти. Тем более что тетя меня видела, но никак на мое появление не реагировала, планируя «дожать» непутевого сына.

— Мама, — устало выдохнул Антон, когда я уже решил-ся выйти из зала и отложить свой разговор с тетей на потом, — я вам клятвенно обещаю — найду себе невесту! В течение года. Но сейчас умоляю — давайте все же поговорим об

ином!

— Хорошо, — благосклонно «сдалась» тетя. — К тому же Роман уже пять минут стоит и ждет, когда мы закончим.

Антон тут же подскочил из кресла и обернулся. В его взгляде на меня прямо читалось — «и ты молчал?! предатель! не мог спасти меня!»

— Софья Александровна, у меня есть к тебе вопрос, — раз уж на меня обратили внимание, я тут же перешел к делу, проигнорировав взгляд Антона.

— Слушаю. Или это что-то личное? — покосилась она на сына.

— Нет, вопрос чисто деловой, — покачал я головой и прошел в свободное кресло. — У меня есть одна идея... по заработку денег. Но сам я ее не потяну, да и не вижу смысла связываться. Идея хорошая и мне пришла мысль — почему бы не продать ее?

— Вот как? — озадачилась тетя.

Да и Антон посмотрел заинтересованно. Возмущение, что я не вмешался в его разговор с мамой, ушло, сменившись любопытством.

— Это возможно? — уточнил я.

— Даже не знаю, — протянула женщина задумчиво. — Никогда о подобном не слышала. Обычно, если кому-то пришло в голову, какое новое дело можно открыть и на том заработать, то сами стараются ее воплотить в жизнь. И наоборот — в тайне от других держат все секреты, чтобы в деньгах не потерять. А что за идея-то?

— Создание тары для хранения и переноски яиц из картона. Такого, что у тебя в шляпе используется, — добавил я, заметив, как тетя нахмурила брови.

— И в чем выгода с этого? Ты какие-то коробки хочешь сделать? Так дешевле и проще ящики сколотить.

— Выгода в том, что в такой таре яйца не будут биться в пути, — пояснил я. — Из-за особой формы емкости. Сколько сейчас яиц разбивается, пока из курятника до рынка доберется? Какие убытки несут крестьяне и помещики? Я специально не считал, но думаю — не мало. А если эти расходы резко сократятся? Теперь понимаешь?

— Если твоя емкость не «золотой» окажется, а хотя бы столько же стоит будет, как ящик деревянный — то у тебя такую идею купят! — уверенно заявила тетя. — Но тогда тебе нужно сначала взять слово, а лучше — договор какой составить, что никуда на сторону твои мысли не уйдут. Ты

ведь какой-то новый патент придумал? — догадалась она. — Лучше бы тебе его просто сначала оформить, а потом уже и предлагать.

— Мне сейчас деньги нужны, — вздохнул я. — Документы на патент я отправлю Дмитрию Борисовичу, но сколько времени ждать придется?

— И зачем тебе деньги? — без «задней» мысли по чисто женскому любопытству спросила тетя.

— Деньги всегда нужны, — усмехнулся я. — Лучше, когда они есть, чем когда их нет. А у меня они к концу подходят.

Тетя понимающе кивнула. Чуть подумала и ответила:

— На ум приходит разве что Герман Христианович — он известный в городе промышленник и к новому относится без страха.

Я поморщился при упоминании Миллера, что не укрылось от тети.

— У вас конфликт?

— Не сказал бы, — вздохнул я.

Тут она вспомнила мой рассказ про то, как Миллер воспользовался моей неопытностью и переложил свои издержки по хранению готового бруса на наши плечи.

— Да, согласна, господин Миллер — не лучший вариант. Ну, тогда тебе дорога к Небесчетному. Иван Иванович как раз и средства свободные имеет. Если сумеешь его заинтересовать, то уж он-то точно купит у тебя твою идею.

С самым богатым купцом нашего города я еще не был знаком. Сталкивался лишь с его супругой на кулинарном турнире. Поэтому его упоминание тетей меня заинтересовало. Если удастся наладить с ним рабочий контакт — это здорово расширит мои связи в купеческом сообществе.

— Буду благодарен, если ты сможешь устроить нам встречу, — тут же уцепился я за этот шанс.

— Пустое, — отмахнулась тетя. — Ты главное скажи, когда в городе будешь, чтобы я могла дату Ирине Ивановне называть. А уж она уговорит мужа с тобой повидаться.

Мне к понедельнику желательно уже в Царицыне быть. Хотя бы во второй половине дня. Но до воскресенья я вполне мог задержаться, о чем и сказал тете. Софья Александровна пообещала передать весточку жене купца и, поблагодарив ее, я пошел искать Тихона. Надо узнать, вернулся ли Митрофан, и если так, то можно уже и за своей каретой отправляться. Антон под конец нашего с тетей разговора, когда понял, что ничего нового не услышит, потихоньку ушел. Не иначе из опаски, что та потребует от него точной даты — когда он приведет будущую невесту в дом.

Тихон обнаружился на кухне — что-то с аппетитом жевал, напомнив мне своим видом, что обед-то я пропустил из-за поездки к Фролу. О том же видеть и Антон подумал, потому что кузен сидел в столовой и уплетал жаркое.

— Садись, — махнул он рукой подле себя, — сейчас Надежда тебе тоже тарелку поставит.

И вторя его словам, из кухни вышла повариха с подносом в руках. Меня она заметила еще, когда я Тихона искал, и мой голодный взгляд «срисовала» правильно. Накинувшись на еду, я попросил ее передать Тихону, чтобы тот ко мне в комнату подошел и там ждал.

— Чего тебе слуга понадобился? — тут же заинтересовался Антон.

Таиться от него я не видел смысла и рассказал.

— Поедем вместе твою карету забирать, — тут же решительно заявил кузен. — Я там заметил, что на ней колеса какие-то дивные будут. Зачем их в кожу обтянули-то?

Глазастый, а в мастерской у Фрола молчал. Узнав, что такие колеса должны помочь тряску уменьшить, он еще больше оживился.

— Чего ж ты эту идею не хочешь продать?

— Золотыми те колеса выходят, и еще неизвестно — правильно ли я их оцениваю, или уже через месяц они сломаются? В таре из картона для перевозки яиц я уверен, а тут... — развел я руками.

Когда мы поели и пришли в мою комнату, то там кроме Тихона еще и Митрофан у дверей стоял, меня дожидаясь.

— Сполнил я твое поручение, господин, — тут же начал конюх доклад, — взял кобылу. Семи десятков рубликов хватило! — заявил он гордо.

— Надеюсь, что она справная? — тут же насторожился я.

— Обижаешь, Роман Сергеевич, — насупился мужик. —

Я в лошадях разбираюсь — трехлетка. Ее из-за масти так дешево продали — мало кто из бар любит в упряжь ставить коня в «яблоках». А у тебя Пятнышко именно такая, вот я и подумал, что тебе без разницы масть. И Пятнышко тогда в упряжи так выделяться не будет.

Кстати, саму лошадь мы с собой тоже прихватили. Она до того в поводу шла, ее узду Митрофан к задам тарантаса привязал. Если бы карета еще не была готова, то я бы ее для верховой езды использовать думал, а самого Митрофана домой бы отправил.

На подворье мастера Фрола мы вернулись тем же составом, что и приезжали до этого. Настя лишь на время в усадьбе меня оставила — не слишком ей понравилось уж очень пристальное внимание Антона. Пусть и приятно ей было его комплименты слушать, но неловко она себя ощущала и постоянное упоминание сестры со стороны моего кузена ей тоже не нравилось. Но забирать карету поехала.

Мой отремонтированный транспорт уже стоял под навесом — запрягай и отправляйся. Чем и занялся Митрофан с посильной помощью Михайло. Я же в это время рассчитался с Фролом и через несколько минут мы возвращались в усадьбу уже на карете. Кстати, в этот раз я вспомнил, что просил форточки для проветривания сделать, но что-то не заметил их, когда в первый раз приезжали. Но про них мастер не забыл. Оказалось, в карете было два небольших оконца — сзади за диваном, и спереди — для связи с кучером, иначе до

него не докричаться было бы. И так хитро был замок у них замаскирован, что казалось, будто их открыть нельзя. Вот это и были те самые «форточки». Кабы у Михайло не спросил, сам бы ни за что не догадался. Но мне понравилось решение.

— Плавнo то как едет, — восхитилась Настя, стоило карете выехать на основную дорогу.

После тарантаса ощущение было, будто мы из старого запорожца в иномарку пересели. Карета мягко покачивалась на камнях мостовой. Кожа на колесах тоже скрадывала звук, а плотно подогнанные двойные стекла на окнах и утепление стен и вовсе словно отсекали нас от внешнего мира. Единственное — тесно тут для троих. Карета на двух человек рассчитана, плюс — кучер. У него на облучке кстати место и для второго возницы найдется. Сейчас оно пусто, правда, но Митрофан или Тихон, смотря кто у нас за кучера будет сидеть, даже полежать там сможет, пока ждать будет у того же театра к примеру. Вез нас Митрофан, а Михайло на облучок тарантаса уместился и его правил к усадьбе. На нем же и домой отправится вместе с Митрофаном. Держать их обоих и дальше в городе я не видел смысла.

— Да-а, — протянул восхищенно Антон, — в такой карете и в путешествие можно отправляться. Как на корабле при легкой волне качает.

Для полной проверки мы еще и печку затопили. Все же на улице уже прохладно, и в карете тоже. По ногам минут

через десять пошло тепло. Мы как раз к усадьбе подъехали. Надо запомнить на будущее, сколько времени печке нужно, чтобы начать нагревать воздух в карете. И тому же Тихону дать задание, если он на козлах будет, чтобы следил за ней. Не перетопил и не заморозил мне транспорт.

«Ну вот, увеличиваю собственный парк техники» — мысленно улыбнулся я.

Теперь покупка кареты уже не смотрелась блажью и скоропалительным решением. А горящие восторгом глаза Нasti обещали мне незабываемую ночь. Чего я на самом деле очень ждал. Сколько можно себя сдерживать, когда-то Маргарита обнажается, меня не стесняясь, то Дарья пытается в штаны пролезть, то стоны Олеси не дают заснуть... Так или свихнуться можно, или не удержусь я от соблазна «налево» сходить.

— С утра отправляйтесь домой, — перед тем, как пойти в усадьбу, наставлял я Митрофана с Михайло. — И передайте отцу, что Прокопий уже часть мебели сделал — надо бы ее забрать и его работу оплатить, — все же вспомнил я, какая мысль меня весь день тревожила.

Со спокойной душой, я пошел в дом, мысленно поторапливая наступление ночи. Не терпится мне с Настей наедине побыть.

Царицын

Григорий Лукьянович был мрачен. Получив письмо от

Романа Винокурова и приложенные к ним деньги, он вначале обрадовался... Но хорошее настроение быстро улетучилось, стоило пересчитать ассигнации, а затем прочитать и само письмо. Парень откровенно наплевал на то, что Григорий поменял свои планы в угоду юноше, а сейчас и вовсе отправлял его, Тишкова — лучшего контрабасиста их губернии — с глаз долой, словно надоевшую игрушку! А как еще расценивать его слова, что Роман тоже считает Григория свободным человеком и не собирается держать его силой? Где благодарность за помощь? Где просьбы остаться, не уезжать? Всего того, на что так рассчитывал Григорий, в тексте не было. Лишь насмешка и жалкие двадцать пять рублей! Да иные скоморохи больше в день получают!

О том, что скоморохи такие суммы получают лишь по большим праздникам, или когда их богатый купец или дворянин к себе выступить приглашает, и то далеко не все, Григорий благополучно «забыл».

И все же Тишков взял себя в руки и сходил до офицера, который звал его выступить перед адмиралом. Обида и негодование — это одно, а деньги — совсем другое. Раз не получил с юноши причитающееся себе по праву, Григорий решил последовать его совету и требовать деньги с офицеров. Вот только и там его ждало глубокое разочарование! Господин Волошин лишь удивленно посмотрел на него и заявил, что об оплате нужно было раньше говорить. Он и вовсе считал, что их группа выступает на добровольных началах, из чув-

ства патриотизма.

— И вы должны радоваться, что сам контр-адмирал Крабо-бе вас заметил, — говорил Тишкову тогда офицер.

В общем, денег Григорию никто не дал. На двадцать пять рублей от Винокурова мужчина в принципе мог теперь добраться до того же Саратова, где есть ценители его творчества. Там он точно сможет продолжать зарабатывать, как прежде. Но тогда получится, что проведенное в Царицыне время потрачено впустую! Адмирал, обещавший взять его в столицу, еще не вернулся из своей инспекционной поездки. И он уж точно ждать и звать Григория не будет, когда вернется в город. Хорошо если просто вспомнит о нем, но надежнее самому подойти. Как быстро люди забывают добро, Григорий в очередной раз убедился на примере Романа Винокурова.

— Буду пробовать еще раз, — решил мужчина, имея в виду попытку найти ценителя его искусства в городе.

На этот раз Григорий решил пойти к местному главе дворянского собрания. И действовать он будет хитрее. Мужчина достаточно покрутился в городе, чтобы узнать о господине Михайлове и его отношениях с Винокуровым. У них были какие-то трения, но при этом явного негатива Борис Романович к юноше не испытывал. Более того — ездил в соседний город к тете парня. Значит, сделал вывод Тишков, и ему никакой вражды ожидать от дворянина не стоит, за работу на юношу.

Господин Михайлов согласился принять мужчину, что уже дало Григорию надежду на положительный итог встречи.

— Жаль, я не видел вашего выступления на офицерском собрании, — вздыхал Борис Романович. — Был на именинах у дочери главы магистрата.

— Я с удовольствием готов продемонстрировать свой навык вам, — тут же предложил Тишков. — У меня даже есть сольная партия. Уверен, она вам понравится. И вашим гостям тоже. Это будет ни на что не похоже! Быстрый ритм, сочетающийся с плавными переходами в медленный танец. Напор мужской страсти и женская покорность, — с жаром стал расписывать Григорий свою программу.

— Хорошо, я бы ознакомился с вашим творчеством, — кивнул Михайлов.

Тишков мысленно возликовал. Вот что значит — человек культуры и ценитель настоящего творчества! Иной бы уже на этом этапе постарался завершить разговор, а Борис Романович смотрит вполне благосклонно.

Медлить Григорий не стал. Инструмент у него был с собой, свое выступление он выучил назубок — все равно никаких иных дел у него в последние дни не было. И вот он — момент его триумфа!

Кроме самого дворянина послушать музыканта в главный зал вышла его жена и дочь. Довольно красивая особа, как мимоходом отметил Григорий. Но дальше он сосредоточился на игре.

Под сводами гостевого зала дома Михайловых разнесся низкий звук контрабаса. Начал Григорий с чего-то помедленнее. Зрителя надо подготовить. И лишь через минуту резко сменил темп игры на быстрый, агрессивный. Как в той песне, что он исполнял в составе труппы. И затем — снова замедлением ритма.

Тишков считал себя художником от музыки. И сейчас он старался нарисовать перед слушателями картину: величие высоких гор, и стремительно стекающие с их склонов речки... шум леса под подошвой этих гор, и яростная битва за жизнь в этом лесу между зайцем и лисой... шепот легкого ветерка, ласкающего кроны деревьев, вдруг резко превращается в бушующий смерч, сметающий все на своем пути. Лишь завершив выступление, Григорий посмотрел на лица своих зрителей.

Борис Романович был задумчив. Его супруга чуть морщилась, что заставило мужчину напрячься. А вот дочь Михайлова смотрела на Григория горящими глазами, словно увидела своего идола. Она же первой и зааплодировала, вскочив со стула.

— Браво! Это было так волнующе! Вы великолепны! — восторженно восклицала Арина Борисовна, что льстило самолюбию мужчины.

Покосившись на дочь, Михайлов тоже встал со стула и сделал пару хлопков.

— Хорошо, Григорий Лукьянович. Я позову вас, когда

устрою прием, — сказал он.

Довольно размытое обещание, но Тишков был рад и ему. Это давало ему надежду, что он все же сможет заработать своим творчеством и укрепит мнение о себе, как о талантливом музыканте и композиторе.

В съемную комнату Григорий вернулся в гораздо более хорошем настроении, чем покидал ее. Но день для мужчины на этом не закончился. В сумерках, когда он уже собирался ложиться спать, в дверь внезапно постучали. И открыв ее, Григорий с удивлением увидел Арину Михайлову.

— Чем могу... — удивленно начал мужчина, но девушка его бесцеремонно заткнула жарким поцелуем.

Через час Арина покинула его комнату, оставив после себя самые приятные воспоминания. Григорий не знал, что слежку за собственной дочерью Борис Романович не снимал, и о ее вольности ему уже доложили. Сам того не ведая, музыкант настроил против себя возможного благодетеля, лишившись возможности выступить в доме Михайловых.

Глава 4

30 октября 1859 года

Утром я проснулся в объятиях Насти. Ночь прошла великолепно. Как же я соскучился по теплу своей невесты и ее нежным губам! Даже вставать не хотелось. Еще лежа на кровати выглянул в окно, а там снова снег лежит. Представил, что нужно идти, обливаться холодной водой, нагружать тело физическими упражнениями... и желание поваляться подольше лишь укрепилось в голове.

— Ммм, — во сне потянулась Настя, из-за чего одеяло сползло с ее обнаженного тела.

Тут уж я и вовсе не утерпел. Захотелось продолжения, и через пять минут невеста открыла глаза и начала шутливо брыкаться.

— Роман, ну хотя бы ополоснуться надо. Рома! Ох... ну что ты делаешь...

Устоять перед моим напором она не смогла. Лишь через полчаса я отпустил ее.

Снова посмотрел в окно...

— Нет уж, давать слабинку нельзя, — прошептал я себе под нос, как мантру.

И все же отправился выполнять привычные процедуры. К завтраку я вышел бодрый, разогретый и в самом лучшем расположении духа. Тут и тетя меня порадовала тем, что при-

шел ответ от Небесчетного. Она записку Ирине Ивановне еще вчера вечером отправила о моем желании встретиться с купцом для разговора, и он видать отложил свое решение до утра. И все же согласился меня принять у себя дома после обеда. Вообще замечательно!

Вот только теперь мне нужно было подготовиться к разговору с Иваном Ивановичем. Прийти и сказать как тете — у меня есть отличная идея, дайте мне за это денег! — я не могу. Не поймет-с меня купец. Еще и мысленно пальцем у виска покрутит, или как сейчас о полоумных думают. Не получится у нас делового разговора. Мне нужно ему цифры предоставить, обоснование, почему моя идея должна ему прибыль принести. И для этого необходимо сделать несколько вещей — узнать цену картона, узнать количество потерь яиц при перевозке, и хотя бы в черновом варианте прикинуть — сколько нужно средств для создания машины для производства ячеек, чтобы подсчитать их конечную стоимость и примерную окупаемость. Вот тогда уже Небесчетный на меня совсем иными глазами посмотрит. Даже если и откажется покупать идею, сам подход он оценить может. И в другой раз охотнее на разговор пойдет, если я уже сам у него встречи запрошу, а не через тетю.

В путь я выдвинулся сразу после завтрака. Антон сначала было думал поехать со мной, но его перехватил Владимир Михайлович, посетовав на то, что родной сын с отцом не разговаривает. Кузен тут же поменял свои планы и отправился

с Зубовым в порт. Мне же лучше. Тем более что в одиночестве я не остался. Настя дома сидеть не собиралась и заявила мне, что составит компанию до обеда. Потом ей нужно будет готовиться к выходу в театр.

Первым делом мы поехали в книжный. Я в очередной раз отметил, как комфортно стало передвигаться в отремонтированной карете. Тихон был за кучера и уже получил от меня все инструкции по ее обслуживанию, а потому в салоне было тепло, мы даже переднее оконце приоткрыли. Ухабы и маленькие ямки опять же не отдавали резким ударом в копчик, а мягко «проглатывались» встроенными в карету системами компенсации удара. Это я так заумно назвал про себя особое устройство колес на пружинах, рессоры кареты и пружины в диване. Тихон тоже почувствовал, что едет карета мягче и даже немного ускорился, не беспокоясь, что мы себе можем отбить что-то в пути. Доехали мы в итоге, как говорится, с ветерком, который сам Тихон и чувствовал. Но ему нравилось — улыбка сияла до ушей, когда мы покинули карету.

В книжном меня уже знали — не раз здесь и канцелярию покупал и даже книги. Поэтому продавец встретил меня радушно.

— Снова краски нужны, Роман Сергеевич?

— Да, пожалуй, — не стал я отказываться.

Мои запасы уже подходят к концу, надо обновить — мало ли, когда пригодятся, а канцелярских магазинов ныне на каждом шагу не встречается. Попутно взял еще и тетрадей с

бумагой для рисования. И лишь расплатившись, спросил про картон. На прилавке я его не видел, что наводило на мысли о его полном отсутствии в магазине. Так к сожалению и оказалось.

— Он мало кому нужен, и распространения не имеет, — делился продавец.

— Не знаете, к кому я могу обратиться по этому поводу? — вздохнув, задал я вопрос.

— Сергей Вениаминович шьет пальто и шляпы на заказ. Я у него видел эту диковинку, — был мне ответ.

Взяв адрес портного, мы с Настей покинули магазин. Она кстати тоже решила немного прибарахлиться и купила себе один роман — почитать. Дорого, и я с грустью смотрел на почти пустой кошелек, искренне надеясь, что смогу сегодня уболтать Небесчетного.

Сергей Вениаминович оказался не евреем, как я подумал, услышав его отчество, а русским мужиком. На улице если бы его встретил, то принял за артельного рабочего или крестьянина — борода лопатой, плечи широкие, нос картошкой. А стоило заговорить, то возник еще один диссонанс — речь чистая, как у профессора какого. Удивительный человек.

Картон у него был и даже по ценам он меня сориентировал.

— Я по паре листов выписываю, мне больше и не нужно,
— говорил портной. — За них плачу двадцать рублей ассигнациями.

— А один лист — это сколько? — поинтересовался я.

И со слов Сергея Вениаминовича выходило, что чуть больше квадратного метра. Поблагодарив за ответ, я попрощался с женщиной и утянул за собой Настю, которая уж очень пристально рассматривала какую-то шляпку. Ну его от греха подальше. Не смогу я прямо сейчас ей такой подарок сделать — тут шляпы по ценнику начинаются аж от тридцати рублей!

Дальше наш путь лежал на рынок. Тут я остановил карету у въезда и попросил Тихона пробежаться по рядам, да поглядеть — много ли битых яиц он заметит в ящиках.

— Ну и поспрашивать кого можешь, если ответят, — напутствовал я парня. — Скажи, что барин у тебя чудит — хочет скупить битые на корм свиньям за четверть стоимости.

Идти и самому расспрашивать торгующих у прилавков крестьян я не стал — не факт, что те правду господину станут говорить.

Вернулся Тихон спустя четверть часа, прихватив где-то по пути пирожок с капустой. Свою покупку он держал в руке, а сам принялся вываливать на меня собранную информацию.

— Разглядеть, скока яиц побито, не удалось. Их стараются поскорее убрать подальше, чтобы не отпугивать никого. Но со слов лавочников — с десятка у них теряется по три-четыре яйца в пути. Ты бы слышал, господин, как они сокрушались, что битые яйца собакам бродячим да кошкам отдали! Обещали в следующий раз сохранять их и в ведро какое собирать, да спрашивали — как меня найти можно. Я всем

говорил, что сам через недельку зайду, ежели барин не передумает.

Поблагодарив парня, я велел ему править в усадьбу. Теперь нужно набросать черновик бизнес-идеи.

Дома я тут же побежал в свою комнату. Времени до встречи с Небесчетным оставалось все меньше. Настя ушла к себе — готовиться к вечернему выходу в свет, поэтому мне никто не мешал.

Достав одну из купленных тетрадей, я принялся за дело. Для начала нарисовал саму ячейку и расписал ее габариты. Затем прописал примерное количество картона, который потребуется для ее создания. Отдельно добавил необходимость сделать пресс с нужной формой и механизм «штамповки». Получался следующий процесс: на пресс кладется размягченный водой картон, затем сверху прижимается второй частью прессы, и получается готовая ячейка. Дальше она достается и просушивается. Все, «продукт» готов. Из самых больших затрат — изготовление прессы.

Сергей Вениаминович говорил, что берет картон по десять рублей примерно за квадратный метр, даже чуть больше с его слов того картона выходит. Если брать оптом, то еще дешевле выйдет. Насколько — тут уже я лишь гадать могу, но процентов десять точно изготовитель может снизить. С одного такого листа выйдет не меньше трех ячеек, если его полностью использовать. Даже четыре может получиться. Итого — где-то по два — два с половиной рубля за ячейку.

ку выходит. Купцы в нынешние времена наценку делают по словам того же Сычева не меньше, чем сто процентов. И отпускать их Небесчетному меньше, чем за пять рублей не выгодно.

— А сколько деревянные ящики стоят? — озадачился я.

Прикинул на пальцах и погрустнел. Сильно дешевле тот ящик стоит, по сравнению с ячейкой. И по размеру он больше. Я-то на десяток яиц ячейку рассчитывал — да еще и с крышкой.

— А если делать без крышки? — почесал я затылок.

Новый рисунок — уже такой ячейки, в которых по тридцать штук в будущем яйца продают. Тут уже картон на «крышку» не тратится и выходит целых три ячейки с одного листа. Три ячейки — это девяносто яиц можно перевезти. Против сорока, если прошлый вариант тары рассматривать. Но одна такая ячейка уже по три рубля выходит, не меньше. И продаваться будет за шесть. Мда-а...

— Так, раз сама тара дорогая, то нужно обосновать, насколько она влияет на сохранность яиц в перевозке, — решил я подойти с другой стороны.

Сейчас десяток яиц на рынке стоит от пятнадцати до тридцати копеек. Разброс довольно велик и зависит от свежести яйца — чем раньше доставлено, тем дороже. Возьмем среднюю цену — двадцать копеек за десяток. Посчитаем для ячейки на тридцать яиц. По словам Тихона, треть яиц до покупателя не доходит по причине боя. То есть, одно приме-

ние «моей» ячейки позволит дополнительно получить выгоду в двадцать копеек. Тара многоразовая и тогда при отпуске ее в шесть рублей окупится за...

— Тридцать доставок, — сделал я нехитрый подсчет. — А дальше начнет приносить прибыль своему владельцу за счет сохранения товара от боя.

Конечно ячейки — не панацея, и в них тоже может яйцо разбиться, но шанс на это снижается в разы, по сравнению с деревянным ящиком. И еще один момент — в ящике яйца обкладывают овсом или сеном для сохранности, тем самым снижая объем доступного пространства. Ячейки же позволяют перевозить товар более компактно и за раз перевезти больше.

— То есть и продавать их лучше крупным производителям — тем помещикам или купцам, которые птицефабрики держат или их аналоги.

Тоже дописал эту мысль. У таких людей и деньги на покупку ячеек найдутся. Вот теперь уже все не так грустно выглядит, как поначалу казалось и перспективы использования ячеек из картона видны будут не только мне.

В самом конце «масштабировал» все, чтобы цифры внушительнее выглядели. Сколько таких ячеек помещается в ту же телегу, и сколько для сравнения на нее можно сложить деревянных ящиков, какое количество яиц сохраняется (тут подписал все же два процента на случайный бой). Какова в итоге выгода от применения ячеек для их покупателя, и

сколько получит поставщик тары (то есть потенциальная выгода самого Ивана Ивановича). Получалось не мало, суммы выходили трехзначные с одной телеги и не в копейках. И все же жадничать я не стал, решив попросить с Небесчетного сто пятьдесят рублей себе за подачу идеи. Даже место для торгога оставил, решив при нужде скинуть до ста двадцати.

Пока делал черновик бизнес-плана, подошло время обеда. Ехать голодным к купцу я не решился. Еще помню, как вот также отправлялся в гости на голодный желудок, а потом терпеть до вечера приходилось, так как поесть в гостях не предложили.

Но через час я наконец выдвинулся на встречу с купцом. Будем надеяться, что все сложится удачно.

Дом купца Небесчетного

Иван Иванович пил сбитень. Правильно сваренный, по старому рецепту — такой очень хорошо и согревал и голову прочищал. А голова ему сейчас будет нужна. Вчера вечером его жене весть пришла от госпожи Зубовой, что ее племянник хочет с ним встретиться. По какому вопросу — то не сообщалось, и купец лишь терялся в догадках. О Романе он уже был наслышан, но так... мельком. О его дуэли несколько дней судачили во всем городе. Иван Иванович тогда мысленно лишь плечами пожимал — очередной дворянин, который не знает, как свою удаль показать. Без царя в голове — сам сгинет и иных за собой потащит. Но вот когда он же

целого князя под арест отправил, это уже заставило купца гораздо внимательнее отнестись к юноше. Да и то, что после дуэли никаких последствий для Винокурова не было — тоже показатель. Понятно, что его тетушка подсустилась, но все равно — показывает и уровень связей самой Зубовой, и ее отношение к племяннику. Потому послушать, что сей отрок хочет ему сказать, Иван Иванович был не прочь.

— Господин, прибыл Роман Винокуров, — сообщил купцу слуга.

— Проводи его в гостевой зал, — махнул купец рукой и с неохотой отставил недопитый сбитень.

Затем поднялся и выглянул в окно. Оно как раз выходило на главную улицу, куда подъезжали гости. И тут купец удивился — уж больно хорошо выглядела карета, на которой прибыл юноша.

«Не иначе, денежки у Софьи Александровны завелись» — покачал он головой.

Огладив бороду перед зеркалом и смахнув с нее капли сбитня, он пошел знакомиться с гостем. Конечно не очень вежливо встречать его не на пороге, а заставлять ждать в зале, но купец считал, что не того полета птица этот молодой юноша, чтобы ему излишнее вежество выказывать.

Когда Иван Иванович зашел в гостиную, Роман Винокуров сидел в кресле с какой-то тетрадью в руках и задумчиво смотрел на стол, на который слуги поставили поднос с чаем и печеньем. Но при этом не притронулся к угощению, слов-

но и не заметил его.

— Кхм, кхм, — прокашлялся купец, привлекая внимание гостя. Тот обернулся и встал. — Прошу прощения, что задержался. Рад вас видеть в моем доме.

— Роман Сергеевич Винокуров, — как положено отрекомендовался юноша. — И я рад нашему знакомству.

На лице у него Небесчетный не заметил ни подобострастия, что нормально для дворянина средней руки, ни высокомерия, что обычно характерно для аристократов, особенно юных. Последнее купца порадовало.

Первые минуты оба присматривались друг к другу, не спеша переходить к сути. Обсуждали погоду, парень поделился, что хочет посмотреть на новую постановку в театре своей тети, Иван Иванович с сожалением заметил, что ни в театр попасть не сможет, ни на кулинарном турнире не был — здоровье подводит. Не то чтобы у купца действительно все было так плохо, но и годков ему уже не мало — пять десятков разменял уже, не мальчик чай, потому и принимает общество его отговорки. А самому купцу просто не хотелось на это время тратить. Больше по душе было за газетой в кабинете посидеть, или рядом с печкой книгу почитать. И с внуками понянчиться он тоже любил. Это всяко лучше, чем на всякие пышные приемы ходить, до которых его супруга охоча, а Иван Иванович на них только по необходимости теперь выбирается.

Но светская часть вскоре закончилась, и юноша перешел

к причине своей просьбы о визите.

— У меня есть для вас, Иван Иванович, деловое предложение.

— Вот как? — удивился купец. — Внимательно слушаю.

— Как вы относитесь к открытию нового дела?

Тут Небесчетный решил, что понял замысел юноши и еле сдержал ухмылку.

— Положительно, если оно принесет доход.

— Принесет, — уверенно заявил Винокуров. — Но не сразу. Вам ли не знать, что чем масштабнее дело, тем больше надо вложить.

— И ты мне предлагаешь вложиться в твою задумку? — не удержался купец. — А прибыль как? Попролам?

— Нет, — удивил Иван Ивановича юноша. — Я хочу вам продать идею. Вся прибыль от нее — ваша.

Тут купец не выдержал и расхохотался. В голос, аж до слез.

— Давно я таких наглецов не видел, — протянул он спустя несколько минут, утирая лицо. — Прожектерством решил заняться, Роман Сергеевич?

Юноша на его смех никак не отреагировал. Не вспыхнул от злости или негодования, не стал жарко доказывать свою правоту — просто дождался, пока мужчина успокоится и задал неожиданный вопрос:

— Скажите, Иван Иванович, а вы бы смогли сделать конфетку из мусора и продать ее?

Такой поворот купец совсем не ожидал. Поэтому замолчал и нахмурился.

— Из какого такого мусора ты предлагаешь мне «конфеты делать»?

— Не вам, — покачал головой Винокуров. — Я сам это реализовал. У нашего рода есть лесопилка, вам о том известно?

— Допустим.

— И при изготовлении бруса да досок остаются опилки. Вот я и придумал, как их в игрушки превращать, да на рынке продавать. Господин Сычев сейчас этим занимается, он наш партнер. Материал для игрушек покупать не надо, работают наши крепостные, а игрушки пусть и копеечные, но их много и полноценные рубли приносят. Скажите, вы бы смогли подобное придумать?

После этих слов Иван Иванович уже по-новому посмотрел на юношу. Если все его слова правда — то он очень смышлен.

— Как же это из опилок игрушки можно сделать? — решил он немного попытать парня.

— Вся рецептуру я вам рассказывать не буду, просто скажу, что в качестве клея мы используем смолу. А она тоже добывается из сжигания опилок.

— Кхм, — задумался купец.

О Сычеве он знал и что тот начал игрушки крестьянам продавать — тоже ведал. Иван Иванович старался за всеми

своими «собратьями по ремеслу» в городе пригляд держать. Если все это действительно придумал юноша, а не верить ему смысла нет — ведь раньше то ничего подобного Сычев не затевал, а лесопилка у Винокуровых не первый год стоит, то пожалуй, стоит более серьезно отнестись к его словам.

— И что же за идею ты хочешь мне продать? — уже без всякого смеха спросил он.

— Прежде чем мы перейдем к сути, я прошу вас подписать вот это, — протянул юноша мужчине листок. — Понимаю, что без стряпчего эту бумагу можно оспорить, но ваша подпись известна, и уж определить ее подлинность не составит труда.

Небесчетный нахмурился еще сильнее. Подписывать что-либо не ознакомившись со всей подноготной договора он не любил. Но листок взял и прочитал. В нем упоминалось, что купец обязан не использовать полученные от Романа Винокурова сведения без соответствующей оплаты в пользу юноши и не рассказывать о них никому постороннему. В качестве сведений была вписана идея о производстве некой тары для перевозки яиц... что уже озадачило купца. Он таким никогда не занимался. Никаких подробностей о таре и выгоде ее производства не говорилось.

— Кхм... ты понимаешь, насколько... спорно то, что ты здесь написал? — поднял он на юношу взгляд.

— Безусловно грамотный стряпчий разнесет этот «документ», — с саркастической ухмылкой произнес последнее

слово Роман, — в пух и прах. Но есть еще и такое понятие — как репутация и слово. И последнее вы потеряете, если все же решитесь следовать букве, а не духу договора. А ваша подпись на этой бумаге станет порукой моим словам.

Иван Иванович еще сильнее поменял свое мнение о молодом Винокурове. Теперь он видел перед собой не молодого дворянина-повесу, а хищника, который своего не упустит.

— А если я не подпишу эту бумагу?

— Тогда мы попросаемя, и я пойду искать иного купца или промышленника, который согласится на мои условия, — спокойно пожал плечами юноша.

Без страха. Без напряжения или шантажа. И это подкупило купца гораздо сильнее, чем любое иное поведение. Парень был *уверен* в себе и своей идее. Упоминание о создании игрушек из «мусора» лишь подкрепляло эту уверенность и добавляло его словам веса. Потому Иван Иванович все же решился подписать бумагу.

— Ну что же, теперь я тебя слушаю, — сказал он, передав уже документ, а не просто тетрадный лист, своему гостю.

Не думал, что будет настолько сложно. Небесчетный оказался с самого начала весьма скептически настроен. Хорошо, что я это быстро понял, и не начал с ходу пытаться дать ему бумагу на подпись о неразглашении полученных сведений, или стараться убедить, что я его не обманываю. Некие базовые знания о психологии у меня имелись. В будущем поста-

ми подобного рода все социальные сети заполнены будут. И то, что для людей из моей прошлой жизни обыденные знания, которые впрочем далеко не каждый применяет, для нынешнего века может быть откровением. А мне пригодилось чисто в практическом плане. Не пытаться давить, убеждать, а показать свою независимость и перевернуть ситуацию — это не я с просьбой пришел, это купец получает от меня уникальный шанс. И вроде даже получилось.

Иван Иванович уже с интересом смотрел на мои расчеты, эскизы ячеек из картона, обоснование востребованности такой продукции и ее окупаемость. Сама подача сведений для него тоже оказалась непривычна. И в итоге я добился успеха — мужчина решился купить у меня идею!

— Сколько ты за нее хочешь? — спросил меня Небесчетный.

В тетради сумму, на которую рассчитываю, я не вписывал. И сейчас снова решил обратиться к психологии, чтобы получить побольше. Или же просто прощупать — сколько купец готов мне заплатить.

— А сколько вы сами готовы дать за нее? — спросил я.

Иван Иванович недовольно пожевал губами. Такая расплывчатая формулировка ему не понравилась. Его интуиция чувствовала подвох, но мозг не понимал, в чем он кроется.

— Триста рублей, — наконец ответил купец.

Надо же, сработало! Я-то надеялся на в два раза меньшую сумму. Но свою радость я постарался не выдать и сделал вид,

будто слегка недоволен. И это сработало!

— Больше не дам, — сказал купец, не дождавшись моего ответа. — Это и так не мало — ведь вся работа по созданию дела ляжет на меня.

— Что ж... по рукам, — сделав вид, будто переступил через свою жадность, я решительно кивнул.

Дело сделано! Теперь можно и в Царицын ехать. Но прежде — все же попробую новые знакомства в театре завести.

Глава 5

30 — 31 октября 1859 года

Дом Михайловых

Арина проснулась в прекрасном настроении. Ее немного смущало, что вчера она поддалась эмоциям, но не настолько, чтобы долго переживать об этом.

«И вообще, это все Николай виноват! — мысленно с обидой сказала она себе. — Отказался супружеский долг выполнять, заставил меня чувствовать себя нежеланной и даже какой-то... грязной!»

Делить ложе с мужчиной девушке нравилось. С тех самых пор, как она вкусила это удовольствие со своим мужем. А чтение романов лишь разыгрывало ее фантазию, унося в неведомые дали. Поэтому его демонстративный отказ от Арины стал для девушки ударом. Испытанием, которое она не знала, как преодолеть. Тут еще на днях она новый роман прочитала об искусном музыканте, к ногам которого падали все женщины мира. И услышав игру господина Тишкова, она увидела в мужчине описанный в книге образ. Ну как тут можно было удержаться?

Была опаска, что отец продолжает за ней следить, но раз вчера вечером, когда она вернулась, он ей ничего не сказал, то можно не волноваться. Или пригляд снял, или решил, что раз она и так разводится, то греха в ее поступке нет.

Как она ошибалась, Арина узнала после завтрака, когда отец позвал ее в свой кабинет.

Борис Романович демонстративно не обратил внимания на Арину, когда она зашла, продолжая читать какой-то документ. Зная своего отца, девушка уже почувствовала себя неуютно.

— Папа, звал? — не выдержала она через пять минут сидения в тишине под шелест страниц.

Мужчина проигнорировал вопрос, продолжая читать и делать пометки в тексте. Чертыхнулся, когда капля чернил сорвалась с пера, и попытался устранить пятно промокашкой. Вышло не очень. В итоге он все же отложил бумаги и поднял тяжелый взгляд на Арину.

— Скажи, ты хочешь, чтобы я тебя в монастырь отправил? Вопрос отца застал девушку врасплох.

— Нет, что ты! — испугалась она. — Что случилось, что ты такое мне говоришь?

— Не притворяйся, — дернул щекой мужчина. — Еще с мужем не развелась, а уже к другому побежала в кровать. Давно ждала случая, чтобы по рукам пойти? Может, мне тебя Совиной отдать с такими пристрастиями?! — прорычал он.

На Арину накатил ужас. Давно она отца в таком состоянии не видела. И тем более он никогда так на нее не смотрел и не пугал! Девушка сама не заметила, как очутилась на полу, стоя на коленях перед отцом.

— Не губи! Прости меня, бес попутал!..

— Вот в монастыре из тебя всех бесов и выбьют! — перебил всхлипывания дочери Борис Романович. — Себя позо-ришь, так еще и весь наш род хочешь в неприглядном све-те выставить? Была бы ты не одна дочь, давно бы уже на те-бя рукой махнул. Но повезло тебе, что Ксения не решилась снова беременеть. Уж очень тяжело ты разрождалась. Могла мать уже тогда в могилу свести. Что ж, решила, что сейчас это надо сделать?

— Папенька, да что ты такое говоришь-то? Я никогда...

— Я вижу, как ты «никогда», — со злостью опять оборвал Михайлов дочь. — Ты подумала, что будет, если этот музы-кантишка начнет о проведенной вами ночи болтать? Ему-то что с гуся вода, а на тебя сейчас взгляд епархии нацелен из-за развода. Твой поступок даст преимущество Николаю. Сей-час иерей настроен к тебе благожелательно, и когда вы раз-ведетесь, ты еще сможешь частично сохранить репутацию и рассчитывать на новое замужество, но если твоя выходка с этим Тишковым, — выплюнул фамилию музыканта мужчи-на, — всплывет — то все! Епархия поставит запрет тебе на новый брак. Епитимью обязательно наложат — и еще неиз-вестно, насколько суровую, а в обществе к тебе иначе, чем как к гулящей и относиться не будут. Потому и говорю — может свести тебя с Екатериной Савельевной, так сказать, заранее? Чтобы уже начинала пробовать — каково это, би-летной быть?

Арина не могла поверить, что ее поступок несет столь се-

рьезные последствия. И почему это Григорий должен всем рассказывать о проведенной ночи? Он честный человек!

«Ведь честный же?» — пробежала предательская неуверенная мыслишка в голове девушки.

— Папа, что мне делать? — дрожащим голосом спросила Арина, цепляясь за рукав рубашки отца.

— Лучше ничего не делай, — зло бросил Михайлов. — Вон, сделала вчера, теперь мне доваривать ту кашу, что ты заварила. Нет, точно в монастырь сдам! Там-то уж ты ничего не начудишь, — закончил он раздраженно.

Из кабинета отца Арина вышла вся белая от пережитого ужаса. Чуть позже к ней в комнату зашла служанка и передала слова Бориса Романовича, что девушка до самого завершения бракоразводного процесса будет сидеть под домашним арестом. Сил возмущаться, как и желания, у девушки не было, и она в ответ лишь понуро кивнула. Это лучше, чем монастырь.

Дубовка

В усадьбу я вернулся победителем. Триста рублей приятно заполнили карман пиджака, вселяя уверенность. И когда Тихон сказал, что необходимо керосина прикупить, а то Фрол лишь в топку печек залил, и он уже заканчивается, я лишь благосклонно кивнул ему:

— Поспрашивай, где купить можно, заодно по пути подумай, где бочонок взять, чтобы запас с собой у нас был. Дер-

жи, — протянул я ему ассигнацию в пять рублей. — Если останется, пусти на корм лошадям.

— Сделаю, господин, — охотно кивнул парень.

Так я узнал о местных «АЗС» — керосиновых лавках. Именно туда указали дорогу Тихону местные дворники. Керосин в нынешние времена — не картон, используется намного шире. В первую очередь в осветительных приборах, но есть и плитки на керосине, или вот — мои печки в карете. Потому и цена у него не была слишком высокой.

В усадьбе меня уже ждала Настя. Девушка успела и новое платье надеть, и прическу себе сделать, а при моем появлении тут же потребовала все оценить.

— Выглядишь великолепно! — ничуть не кривя душой, сказал я.

Настя аж расцвела. А я залюбовался ею. Платье струилось по ее плечам, облегалo талию и свободно спускалось по попе вниз. Фурор моя невеста произведет не меньший, чем моя мама.

— Вот это красота! — восхищенно выдохнул зашедший в дом кузен.

Они только что вернулись с Владимиром Михайловичем из порта, и Антон был буквально сражен внешним видом Анастасии. Застыл так, что его отец был вынужден силой отодвигать парня в сторону, чтобы пройти в собственный дом.

До начала представления оставалось еще три часа, и по-

тому мы решили выдвинуться через час — чтобы и Настя смогла покрасоваться перед всеми своим нарядом, и я новые знакомства все же завел. Очень надеюсь, что сегодня поход пройдет без эксцессов. Лишь немного напрягало повышенное внимание Антона к Анастасии. Парень пытался ей всячески услужить — спрашивал, хочет ли она чаю, предлагал отрепетировать танцы в новом наряде — будет ли удобно девушке в нем...

— Антон, — не выдержал я, — твоя настойчивость направлена не в ту сторону.

— О чем ты? — удивленно посмотрел на меня кузен.

— Анастасия — моя невеста. И если ты продолжишь быть столь... настырен в своем проявлении внимания к ней, то мы поссоримся. Дождись вечера, уверен, в театре найдется достаточное количество свободных дам для твоего внимания.

Антон сначала нахмурился, хотел что-то сказать..., но потом передумал и молча кивнул. Не думал, что он настолько беспардонным может быть, чтобы откровенно пытаться флиртовать с невестой собственного брата.

Из-за такого его поведения, когда мы поехали в театр, в карету я его не пустил. Тот сначала удивился, когда я начал закрывать перед его лицом дверцу, а затем все понял и хмыкнул, задрав нос.

Когда мы прибыли к театру, людей было еще не слишком много. Все же в этот раз мы гораздо раньше приехали, к тому же сегодня была не премьера новой постановки, на кото-

рую слетается много народа из города и округи. Я был лишь рад этому. Опасался правда, что Дарья снова придет на спектакль, но девушки пока не было.

Как и думал, внешний вид Насти привлек всеобщее внимание. Здороваясь с окружающими, она неизменно получала искреннее восхищение ее красотой и млела от такого интереса к себе, хоть и смущалась при этом.

Взяв в буфете нам по бокалу с вином, я принялся осуществлять свой план — попросту говоря, знакомился с редкими гостями театра примерно моего возраста. Сегодня это было не трудно. Подойти, вежливо поздороваться, представить Настю — и вот уже потенциальные невесты сами нехотя уступают место своим братьям и кузенам, переключаясь на общение с Анастасией. Ну а я могу спокойно не только прощупать собеседника — насколько он мне интересен, но и оценить перспективность знакомства еще и с точки зрения наследника рода. Есть ли смысл пытаться затевать какие-то общие проекты или нет, в каких отношениях находятся молодые дворяне между собой и что думают обо мне и нашем роде. Последнее конечно никто прямо в лоб не скажет, но уж заметить по мимике собеседника его истинное отношение к тебе можно. «Держать лицо» молодые парни в принципе умели, и когда я замечал, что со мной говорят формально, вежливо прекращал разговор, отходя в сторону, а затем наблюдал — облегчение испытал собеседник от завершения диалога или досаду. Если второе — то мог чуть позже опять

вернуться к нему и продолжить разговор. Но где-то через полчаса ко мне сами стали подходить, как только поняли, что от общения я не уклоняюсь.

Из всех, с кем познакомился, мне больше всего понравилось общаться с Николаем Лисовым. Чуть старше меня, он тоже был сыном помещика, вот только земель у его рода было меньше и дополнительных производств не имелось. Сам парень прошел домашнее обучение, на другое средств у семьи не хватило. Но привлекло меня его искреннее любопытство и тяга к знаниям. Парень всерьез увлекался техникой и если бы не обязанности принять в будущем род, пошел бы учиться на инженера.

— Я для начала и простым учеником на заводе согласен, но отец не отпускает, — вздыхая, делился он, — говорит — урон чести рода. Я же три года назад не выдержал, сбежать пробовал — лишь бы к тому же Дубову в ученики напроситься, так не получилось, — уныло поведал мне Николай. — Ох и досталось мне тогда...

Как именно, он уточнять не стал. Парнем Лисов был открытым, к тому же любил читать про всякие технические новинки и даже сам пытался что-то эдакое нарисовать, после чего отправлял в редакцию журналов для опубликования.

— Ответа ни разу не получил, — опять вздыхал он.

Я же увидел в нем не только интересного собеседника, который может просветить меня в вопросах современной техники, но и человека, который бы мог и мои идеи из будущего воплотить. Пока лишь в теории — все же Николай до практики никогда не доходил — отец денег на эксперименты не выделял и все знания Николая оставались чисто теоретическими, но потенциал у Лисова, как конструктора-изобретателя на мой взгляд был. Самое важное — он горел желанием заниматься этим, и за несколько лет так и растерял этого своего энтузиазма, несмотря на сопротивление отца.

Мы договорились с ним встретиться завтра утром и обсудить применение новой техники для обработки полей. Отец Николая ни в какую не хотел покупать ни сеялок, ни кос на конной тяге, считая это расточительством и блажью. Я же мог предоставить конкретные данные по их применению в наших землях.

Дарья так в театр и не пришла. С одной стороны я был рад, а с другой — Антон тоже прибыл в театр и активно искал себе даму на вечер, постоянно косясь взглядом в сторону Насти. Вот свести бы его с Дарьей — та тоже очень любвеобильная и не обращает внимания на то, свободен мужчина

или нет. Думаю, они бы смогли удовлетворить желания друг друга.

Места нам тетя предоставила в первом ряду — всем троим. Чтобы лишний раз не вводить в искушение Антона, я сел между ним и Настей. И в целом спектакль прошел спокойно. Домой мы вернулись в прекрасном расположении духа. В этот раз я не стал гнать Антона из кареты, да и сам парень во время антрактов нашел себе собеседницу и уже не смотрел в сторону Насти. Спать мы с невестой опять отправились вместе — настолько соскучились друг по другу.

— Ты чего такой мрачный? — спросил Владимир Михайлович сына, лицо которого из радостного и воодушевленного сменилось на печальное, стоило Роману с Анастасией подняться в свои комнаты.

— Я влюбился, — горестно ответил Антон.

— И в чем проблема? — не понял мужчина.

— В невесту кузена.

Зубов удивленно поднял брови.

— Неужто других дам в округе нет? Или на тебя так ее новый наряд впечатление произвел? Так не переживай — я уверен, после вашего похода в театр, к госпоже Угорской очередь выстроится, и скоро половина девушек Дубовки в таких нарядах щеголять будет.

— Я не знаю, как объяснить, — с досадой сказал Антон.

— Сам понимаю, что это неправильно. Но ни одна другая

девушка мне раньше так в душу не западала! А тут — как увидел ее, так голову потерял. Она так мило смущается, ее щечки так романтично розовеют, а улыбка... Да я все готов отдать ради нее! Еле сдержался, чтобы не нахамить Роману, когда он мне сказал к Анастасии не лезть.

— У Анастасии сестра есть, — заметил Владимир Михайлович. — Познакомься сначала с ней. Может, твоя влюбленность на нее перейдет?

— Только на это и надежда, — убито кивнул Антон. — Иначе даже и не знаю, что делать... Рядом когда нахожусь, сдерживать себя приходится, чтобы снова не начать флирт. Знаешь, у меня никогда сложностей не было — с дамой заговорить, да в себя влюбить. Думаю, что и здесь не появилось бы. Но она уже занята... и не кем-нибудь, а Романом! Вот что меня гнетет.

— И что думаешь делать, если Анна тебе не по сердцу придется? — спросил мужчина.

— Не знаю, — вздохнул Антон.

Чуть подумав, Владимир Михайлович ему сказал:

— Я поддержу тебя, если твоя влюбленность не пройдет.

Антон с удивлением посмотрел на отца. Тот был хмур. Заметив взгляд сына, она пояснил свое решение:

— Дочь из-за ее влюбленности я уже потерял. Не хочу терять и тебя.

— А Винокуровы? Мама как к этому отнесется?

— Мы твои родители, а уж потом — родня Винокуровых,

— жестко ответил Владимир Михайлович. — Но я все же надеюсь, что до этого не дойдет.

Утром после завтрака я отправился в гости к Лисовым. Николай вчера предложил у него встретиться, и я отказываться не стал. Настя пожелала в усадьбе меня дожидаться, потому как потом мы сразу должны были в Царицын выехать. Ей еще вещи собрать надо, да и просто не интересен ей Николай.

У Лисовых меня уже ждали. Встретил отец парня — Игорь Иванович. Кряжистый мужчина с густыми бровями и кривыми ногами. За его спиной стояла мать Николая, и он сам с младшей сестрой. Поприветствовав меня, Игорь Иванович впустил в дом и, когда мы расселись в зале, принялся за допрос. Чем я сейчас занимаюсь, какое содержание мне положил отец, как повлияла учеба на мою жизнь — завел ли я связи в столице или нет. Я надеялся, что Игорь Иванович утолит свой интерес минут за десять-пятнадцать, да и оставит нас с Николаем, но у мужчины было иное мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.